

Секция «Культурология и литературоведение»

**Конфликт цивилизаций в сонете Г. В. Голохвастова «На чужбине»:
универсальность художественного воплощения концепта «Русь» и образ
Нью-Йорка как символ западного мира**

Анастасия Фокина Дмитриевна

Студент (магистр)

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

E-mail: genakapitana@gmail.com

В настоящее время активизировались попытки осмысления концепта «Россия», что, на наш взгляд, объясняется тем, что в результате исторически длительного процесса радикальных политико-экономических, социальных и культурных преобразований те или иные его интерпретации обнаруживают свою недостаточность. При этом содержание данного концепта является ключевым элементом для национальной и цивилизационной картины мира.

Объектом осмысления в данной статье стал сонет русского «американца» Г.В. Голохвастова «На чужбине». Выбор определен безусловной ценностью его поэзии, тенденциозно, но бескорыстно ориентированной на выражение уникальности российской цивилизации, неотъемлемой и органичной частью которой, находясь в условиях вынужденной эмиграции, автор себя ощущает. Его сонеты, как и поэзия других русских «американцев» (Д. А. Магула, Е. А. Христиани, В. С. Ильяшенко и др.), «переживая» концепты русского сознания в условиях иной цивилизации, в значительной мере выразила как личностный, так и коллективный опыт поколений русских поэтов первой половины XX века.

Г. В. Голохвастов последовательно воссоздает в сонетах такие важнейшие концепты, как «Русь», «государство», «государь», «вера», «храм», «православие», которые закреплены в российском культурном коде как цивилизационные символы. Авторская картина мира, представленная через концептосферу его сонетов, содержит цивилизационную картину, тождественную понятию российской цивилизации в целом.

Сонет XXVII «На чужбине», по нашему мнению, концентрированно содержит ключевые идейно-смысловые основания концепта «Русь» поэзии Голохвастова.

На Родине я был ее природной частью,
Я ощущал ее единою с собой,
В ней находил себя, дыша ее судьбой,
И радостно любил душой, привыкшей к счастью.
Теперь изгнанник я. Кругом, маня к участию,
Чужая жизнь кипит обильем и борьбой.
Но я, соблазнам чужд, к Отчизне рвусь с мольбой,
Лишь к ней одной горю израненною страстью.
Я не пою о ней в кругу других певцов,
Я за нее молюсь и жду ее гонцов, -
О смерти вне Руси и мысли не приемлю.
Как чудо, грянет зов к возврату беглецов:
Я буду целовать в слезах родную землю,

Обласкан воздухом страны моих отцов [Голохвастов: 20].

Сонет реализует антиномию «свое» - «чужое». В сюжетном времени композиция сонета структурирована архитектурно: первый катрен - прошлая жизнь в пространстве Родины; второй катрен и первый терцет - существование в изгнании и надежды на возвращение в настоящем; второй терцет - надежда на чудо и возвращение в будущем. Сонет открывается картиной прошлого поэта, радостного и гармоничного, наполненного сгущенным использованием слов эмоционально положительной семантики: «*радостно*», «*любить*», «*счастье*», «*единый*». Обращенность временного вектора исключительно в прошлое грамматически опирается на использование форм простого прошедшего времени: «*был*», «*ощущал*», «*находил*», «*любил*». Лирический герой в прошлом ощущал себя активно действующим субъектом, который сам «*был*», «*ощущал*», «*находил*» и «*любил*».

Драматический переход осуществлен в пятом стихе. Трагедия лирического героя сосредоточивается в одном предложении, которое становится координатой пересечения временно-пространственных планов всего сонета: «*Теперь изгнанник я*». Лирический герой отстраняется от восторженных переживаний прошлого и мужественно принимает груз чуждого настоящего.

Признавая достижения рационалистичной западной цивилизации, Голохвастов декларирует свою приверженность к иной цивилизационной модели, основанной на бытийной гармонии человека с социумом и природой. Поэтому цивилизационное противостояние в его стихах регулярно представлено через антитезу концептов «город» - «деревня». Нью-Йорк становится полновесным символом всего западного мира, лирический герой всегда ощущает его как неестественную среду существования, которой противопоставляет страстную любовь к Родине, натурфилософски представленную единством с ее стихиями: землей («*О смерти вне Руси и мысли не приемлю*», «*Я буду целовать в слезах родную землю*»), воздухом («*Обласкан воздухом страны моих отцов*»), природой в целом; с ее историей и традицией духовной жизни (регулярно реализуемые мотивы мольбы, молитвы, земли, смерти, чуда и пр.).

Поэт идентифицирует себя как естественного наследника «Руси», законного представителя ее цивилизации. Русь для Голохвастова - это ментальная вневременная ценность, соответственно, ее исчерпывающе полная физическая и метафизическая идентификация невозможны для индивидуума. Лирический герой мыслит свою смерть только в границах Руси, но даже если принять как данность, что он мечтает умереть именно в России, то все равно смерть оказывается невозможной ровно настолько, насколько невероятно возвращение. Смерть лирического героя начинает существовать как «не-смерть», «отсутствие смерти».

Мотив «родная земля» сюжетно-образно замыкает пространство сонета. «*Страна моих отцов*» - это мифологизированное пространство бесконечно прекрасной утерянной родной земли, возвращение в которую вряд ли возможно в настоящем. Оно предполагается где-то за границей бытия в бессмертии. Таким образом, «*страна отцов*» имеет в своем поле несколько важных смыслов: ее обретение возможно после того, как «*грянет зов*», а это время находится за чертой земного существования героя. Таким образом, в концепт «Русь» в сонете «На чужбине» привносятся отчетливые признаки мифологемы рая.

В сонетах Голохвастова концептосфера «Русь», реализуясь в условиях инвариантной оппозиции «свое» - «чужое», транслирует уникальную цивилизационную самобытность. Концепт, отмеченный чертами вневременности и всенаходимости, трансформируется в сакрализованное мифологическое пространство Родины, в котором имплицитно отрицается сам факт смерти, а жизнь представляется высшей ценностью - прекрасной, свободной и

счастливой.

Источники и литература

- 1) Георгий Голохвастов. Лебединая песня: Несобранное и не-изданное. М., 2010.